

КУЛЬТОВЫЙ
РОМАН
АМЕРИКАНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

В МИРЕ
ПРОДАНО БОЛЕЕ

20
МЛН
ЭКЗЕМПЛЯРОВ

С. Э. ХИНТОН
ИЗГОИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
АНАСТАСИИ ЗАВОЗОВОЙ

**LIVE
BOOK**

Сьюзан Хинтон

Изгой

Издательство "Livebook/Гаятри"

1967

УДК 82-311.3
ББК 84(4/8)

Хинтон С. Э.

Изгой / С. Э. Хинтон — Издательство "Livebook/Гаятри" , 1967

ISBN 978-5-9908081-3-3

Маленький городок в Оклахоме, 60-е годы. В давнем конфликте противостоят друг другу банды подростков – грязеры и вобы. Первое правило грязеров – по одному не ходить, второе – не попадаться. И всегда стоять за друзей горой, что бы они ни сделали. 14-летний Понибой Кертис уверен: богатеньким деткам – вобам, золотой молодежи с западной части города – никогда не понять ребят из бедных кварталов с восточной стороны. И лишь одна страшная ночь, одна стычка с вобами все меняет. Сюзан Элоиза Хинтон начала писать роман «Изгой» в 1965 году. Написанная искренне и от души, книга повествует о проблемах реальных подростков – представителей подростковых банд, жителей бедных кварталов, детей из неполных семей. Американская ассоциация библиотекарей включила роман Хинтон в список «100 запрещенных книг XX века»: в некоторых штатах он остается под запретом до сих пор, во многих других – давно включен в школьную программу. В 1983 году книга была экранизирована режиссером Фрэнсисом Фордом Копполой. Фильм стал успешным стартом в большое кино для юных Патрика Суэйзи, Тома Круза, Си Томаса Хауэлла, Мэтта Диллона, Эмилио Эстевеса и Ральфа Маччио.

УДК 82-311.3
ББК 84(4/8)

ISBN 978-5-9908081-3-3

© Хинтон С. Э., 1967

© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 1967

Содержание

Предисловие переводчика	7
Глава первая	9
Глава вторая	17
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сьюзан Хинтон

Изгой

© S. E. Hinton, 1995

© Анастасия Завозова, перевод на русский язык, 2016

© Виктор Сонькин, перевод стихотворения, 2016

© Livebook Publishng Ltd, 2016

* * *

Предисловие переводчика

Недолговечное золото

Роман С. Э. Хинтон «Изгой»

Пожалуй, странно будет начать предисловие к роману с совета его не читать, но об этом все-таки стоит сказать сразу. Если вы – взрослый, и не просто взрослый, а таковым себя считаете – зрелым, сформировавшимся, серьезным человеком, которому не до пустяков и которого уже миновали все эти подростковые треволнения, сомнения и неуверенности, то вам, наверное, лучше сразу закрыть эту книгу и не тратить на нее свое время. Потому что львиная доля невероятного и непреходящего очарования романа «Изгой» заключается как раз в том, что он был написан подростком и для подростков.

Сьюзан Элоиза Хинтон, школьница из города Тулсы, штат Оклахома, начала писать роман «Изгой» в 1965 году, когда ей было шестнадцать лет. Поводом для этого послужила история, случившаяся с другом Хинтон. Его посреди белого дня и на глазах у прохожих избили несколько подростков из богатых кварталов. До этого Хинтон редко задумывалась о том, что круг ее общения состоит преимущественно из грязеров – набриолиненных парней с сигаретами, которые жили в бедной части города. Точнее, не задумывалась о том, что кому-то приходится в голову не просто делить людей на группы по тому, как они одеваются, где живут и сколько у них денег, а еще и откровенно из-за этого ненавидеть их. Сама Хинтон вспоминает, как однажды шла домой с компанией друзей – мимо них проехала машина, из которой им прокричали: «Грязилы!», и тогда она впервые, глянув на своих идущих вразвалочку, попыхивающих сигаретами друзей, подумала: «Господи, да они же хулиганы!»

После той самой истории с избиением возмущенная Хинтон пришла домой и кинулась записывать свои мысли и впечатления от случившегося. Так начался роман «Изгой» – со сцены, где главный герой, четырнадцатилетний мальчишка из бедного квартала, идет домой из кино и по дороге на него нападают пятеро парней, представителей «золотой молодежи». Современная американская писательница Рэйнбоу Рауэлл, очень известный автор нескольких подростковых книг, говоря о романе Хинтон, отметила в том числе, что он весь написан как будто бы «на выдохе», в нем нет ни пауз, ни промедлений, только поток яростной речи, внутренний монолог подростка, – и это действительно так. Поначалу Хинтон даже не собиралась издавать роман, ей просто нужно было выплеснуть куда-то свою злость на людей, избивших ее друга и возмущение всей сложившейся ситуацией, тем, на какие узкие кастовые группки поделена вся их школа. (Школьное противостояние дошло до того, вспоминала Хинтон в одном из интервью, что представители разных группировок входили в школу через разные двери.) Но однажды она показала роман своей подруге, а та показала его своей матери, которая в свое время написала и издала книгу для детей. Роман ей так понравился, что она отправила его своему нью-йоркскому агенту и в день выпускного бала Сьюзан Хинтон получила контракт на издание книги.

Нельзя сказать, что книга имела мгновенный успех. Какое-то время она продавалась довольно вяло, но к счастью для Хинтон именно в этот момент в США обострились дискуссии о том, какой должна быть литература для подростков. Сама Хинтон вспоминает, что в ее детстве книжки были «или про лошадей, или о том, как «Мэри-Джейн едет на бал», а ничего о том, как вообще живут реальные подростки, прочесть было и нельзя. Когда дискуссия вышла на новый виток, все больше и больше учителей и библиотекарей стали приводить в пример роман «Изгой». Они отмечали подлинную, живую, не подслащенную тональность романа и то, что его героями стали мальчишки, которых раньше как будто бы никто и не замечал – представители подростковых банд, жители бедных кварталов, дети из неполных семей. Именно выбор героев, кстати, придал книге ореол некоторой скандальности. Во многих штатах книга была

запрещена, даже несмотря на то, что с момента публикации было продано около 20 миллионов экземпляров. Именно реалистичность персонажей стала причиной запрета – несовершеннолетние герои книги курят, употребляют алкоголь, сталкиваются с насилием в семье, дерутся, грубо разговаривают и сами зачастую преступают закон. Американская библиотечная ассоциация включила роман Хинтон в список «100 запрещенных книг XX века», но во многих штатах он входит в школьную программу.

По роману даже снят фильм – в 1983 году фанаты книги написали петицию, которую подписали тысячи человек. Они просили, чтобы экранизацией фильма занялся Фрэнсис Форд Коппола, и режиссер согласился. В фильме снялись тогда еще совсем юные и мало кому известные Си Томас Хауэлл, Патрик Суэйзи, Том Круз, Роб Лоув, Мэтт Диллон, Эмилио Эстевес и Ральф Маччио. Небольшое cameo – полуминутная роль санитарки в больнице – досталась и Сьюзан Хинтон, с которой у Копполы сложились очень теплые отношения.

Эта яростная, страстная и до сих пор очень живая любовь к роману, которая с 1967 года, в общем-то, и не думает угасать, вызвана, конечно, тем, с чего и началось это предисловие. Это роман, написанный подростком – для подростков. Написанный искренне, на выдохе и от души. Роман, который после того, как его прочитывают впервые – в десять, одиннадцать или двенадцать лет, – оставляет по себе воспоминания и чувства, которых уже никогда не будет, если прочесть роман в каком-то отчетливо взрослом, отчетливо серьезном состоянии. Конечно, поскольку автору романа было всего 15–16 лет, когда она его писала, не стоит ждать от книги какой-то исключительной литературной отточенности. Но некоторую незрелость и наивность выражений с лихвой окупает удивительно искреннее чувство, которым пронизан весь роман, чувство, благодаря которому Хинтон и пробилась к сердцам своих невзрослых читателей – желание не столько написать книгу, сколько выплеснуть подростковую ярость и ужас взросления, через которые нам всем рано или поздно приходится пройти.

Поэтому при переводе я постаралась аккуратно сохранить и передать стиль автора – во всей его юношеской простоте и угловатости – и ни в коем случае ничего не улучшать. Надеюсь, мне это удалось, но любые ошибки, как водится, все равно остаются на совести переводчика.

Анастасия Завозова, июль – октябрь 2016

Глава первая

Когда я вышел из темного кинотеатра на солнце, думал я только о Поле Ньюмане и о том, как буду добираться домой. Хотел бы я быть похожим на Пола Ньюмана – он крутой, а я – нет, но вообще я не так уж плохо и выгляжу. Волосы у меня светло-каштановые, почти рыжие, а глаза – зеленовато-серые. Жаль, что не совсем серые, конечно, потому что почти у всех парней, которых я терпеть не могу, как раз зеленые глаза, но тут уж выбирать не приходится. У меня длинные волосы, сзади ровные, в линию, и челка отросшая, парни обычно покороче носят, но я грязер, и в нашем квартале мало кто вообще стрижется. И потом, мне лучше с длинными волосами.

Идти до дома было далеко, а я был один, но я и так всегда один в кино хожу, просто чтобы мне не мешали смотреть фильмы, чтобы можно было уйти в них с головой, прожить их вместе с актерами. Когда вдвоем с кем-нибудь кино смотришь, как-то неловко становится, вроде как кто-то у тебя через плечо книжку читает. Этим-то я и отличаюсь. Ну, то есть вот один мой старший брат, Газ, которому шестнадцать – уже почти семнадцать, – по жизни ничего не читает, а моему самому старшему брату, Дэррелу которого мы все зовем Дэрри, и вовсе не до книг или картинок, потому что он много работает, и, в общем, я от них отличаюсь. И в нашей банде никто так, как я, насчет кино и книжек не загоняется. Было время, я даже думал, что я на целом свете один такой. Ну и ходил везде один.

Газ хотя бы старается меня понять, от Дэрри и этого не дождешься. Но Газ, он вообще не такой как все, он все понимает, ну почти. Например, он не орет на меня целыми днями как Дэрри, не обращается со мной так, будто мне шесть, а не четырнадцать. Я никого так не любил, как Газа, даже маму с папой. Он веселый и всегда улыбается, а Дэрри – строгий, суровый и не улыбается почти никогда. Но Дэрри к двадцати годам через многое пришлось пройти, слишком быстро пришлось повзрослеть. А Газ не повзрослеет никогда. Не знаю даже, что лучше. Но когда-нибудь да узнаю.

Короче, я шел домой, думал про киношку и внезапно пожалел, что иду один. Грязерам не стоит слишком часто ходить поодиночке, а то на них и наехать могут, ну, или кто-нибудь выскочит и заорет: «Гряаяязь!», от чего, понятно, тоже лучше не становится. Наезжают на нас вобы. Не знаю точно, с большой это буквы пишется или с маленькой, это сокращение – «высшее общество», золотая молодежь, богатенькие детки с западной части города. Это как слово «грязеры», которым называют всех нас, парней с восточной стороны.

Мы беднее, чем вобы и средний класс. Ну и, наверное, бедовее тоже. Не как вобы, конечно, которые наезжают на грязеров и разносят дома, накачавшись со скуки пивом, и про которых в газетах сначала пишут, что они позорят весь город, а потом – что приносят неоценимую пользу обществу. Грязеры почти та же шпана, мы ворует, ездим на переделанных тачках, грабим автозаправки и время от времени сходимся на драки с другими бандами. Ну, то есть я-то как раз ничего такого не делаю. Попадись я полиции, Дэрри меня убьет. С тех пор как мама с папой погибли в автоаварии, нам троим можно жить вместе, только если мы себя хорошо ведем. Поэтому мы с Газом на неприятности стараемся не нарываться – и не попадаться, если нарываемся. То есть я что хочу сказать – почти все грязеры так себя ведут, и так же, как все, мы не стрижем волосы и носим джинсы с футболками, и кожаные куртки, и кроссовки или ботинки, и не заправляем рубашки в брюки.

Можно было дожидаться, когда Газ или Дэрри придут с работы, и пойти в кино с кем-нибудь из них. Они бы меня отвели, или отвезли, или даже пошли бы со мной в кино, хотя Газ вечно ерзает и ни одного фильма поэтому нормально посмотреть не может, а Дэрри в кино просто помирает со скуки. Дэрри считает, что нечего, мол, глазеть на чужую жизнь, ему и своей хватает. А можно еще было попросить кого-нибудь из нашей банды сходить со мной, кого-

нибудь из четырех парней, с которыми мы – я, Дэрри и Газ – вместе росли и которые нам как семья. Мы, считай, что братья, потому что когда растешь в таком спевшемся районе, как наш, всех знаешь как облупленных. Думай я головой, позвонил бы Дэрри, и он бы заехал за мной по пути с работы, или Смешинке Мэтьюсу – это парень из нашей банды, – если б я его попросил, он бы приехал за мной на машине, но иногда я просто ни о чем не думаю. Дэрри жутко бесится, когда я такие штуки откалываю, потому что я вроде как умный – у меня и оценки хорошие, и вообще я умный, и все такое, но головой я не думаю, и все тут. Ну и потом, я люблю ходить пешком.

Впрочем, я решил, что не так уж и люблю ходить пешком, когда заметил, что за мной тащится красный «корвейр». До дома было еще почти два квартала, поэтому я прибавил ходу. На меня еще ни разу не наезжали, но я видел Джонни после того, как он напоролся на четверых вобов, и зрелище это было не из приятных. После этого Джонни от собственной тени шарахался. Джонни тогда шестнадцать было.

Конечно, все было без толку – в смысле, шагу прибавлять, – и я понял это еще до того, как «корвейр» притормозил рядом со мной и из него вылезли пять вобов. Я здорово струхнул – я, конечно, крепкий, но для своих четырнадцати все равно маловат, а эти парни были все как один больше меня. Я машинально просунул большие пальцы в шлевки джинсов, ссутулился и стал прикидывать, удастся ли мне убежать, если я прямо сейчас рвану с места. Я вспомнил Джонни – какое у него было лицо, все в синяках и порезах, вспомнил, как он плакал, когда мы его нашли на поле почти без сознания. Джонни здорово достается дома, поэтому надо очень постараться, чтоб он заплакал.

Мне было холодно, но тут я разом вспотел. Ладони стали влажными, струйка пота побежала по спине. Со мной так бывает, когда мне по-настоящему страшно. Я огляделся, высматривая бутылку, палку, хоть что-нибудь – Стив Рэндл, лучший друг Газа, однажды отбитым бутылочным горлышком отмахался от четверых парней, – но рядом ничего такого не было. Так и стоял там как вкопанный, пока они меня окружали. Не умею я головой думать. Они, скаясь, не торопясь, медленно кружили вокруг меня.

– Эй, грязила, – сказал один наигранно-дружелюбным голосом. – Сейчас мы тебе поможем, грязила. Отрежем твои грязные длинные патлы.

На нем была клетчатая рубашка. До сих пор стоит перед глазами. Синяя рубашка в клетку. Один парень расхохотался, потом, понизив голос, выругался. Я не знал, что и сказать. Когда тебя вот-вот побьют, тем для разговора вообще немного, так что я помалкивал.

– Хочешь подстричься, грязер? – средних размеров блондин вытащил из заднего кармана нож, раскрыл его.

Тут я наконец придумал, что сказать.

– Нет.

Я попятился подальше от ножа. Ну и, разумеется, наткнулся на одного из вобов. Они меня вмиг повалили. Руки-ноги прижали к земле, один уселся мне на грудь и уперся коленями мне в локти, и если вам кажется, что это не больно, то у вас не все дома. Я чувствовал запах лосьона для бритья – «Английская кожа» – и застарелого табака и тогда еще подумал, дурак, не задохнусь ли до того, как они что-нибудь мне сделают. Мне даже этого хотелось, до того я испугался. Я стал вырываться, и у меня даже почти получилось, но тут они навалились посильнее, а тот, что сидел у меня на груди, пару раз мне врезал. Так что я лежал смирно, только ртом воздух хватал и огрызался. Мне к горлу приставили нож.

– А если стрижка начнется чуть ниже подбородка?

Тут до меня дошло, что меня могут убить. Я слетел с катушек. Заорал – Газ, Дэрри, хоть кто-нибудь. Мне стали зажимать рот рукой, и я впился в эту руку со всех сил, чувствуя, как бежит по зубам кровь. Я услышал, как кто-то выругался себе под нос, мне снова врезали и стали совать в рот носовой платок. Один парень все повторял:

– Заткните его, да заткните же!

Потом слышались крики, раздался топот, вобы подскочили, а я остался лежать на земле, хватая ртом воздух. Лежал там и думал, что вообще происходит – кто-то перепрыгнул через меня, кто-то пробежал мимо, а у меня голова шла кругом, и я не соображал ничего. Тут кто-то ухватил меня под мышки и рывком поставил на ноги. Оказалось – Дэрри.

– Ты в порядке, Понибой?

Лучше бы он меня не тряс. Меня и без того мутило. Но я понял, что это Дэрри – и по голосу, и по тому, что Дэрри всегда со мной грубо обращается, даже когда не нарочно.

– Нормально все. Не тряси меня, Дэрри. Я в норме.

Он тут же перестал.

– Извини.

Это он для виду. Дэрри никогда и ни за что не извиняется. Я все думаю, до чего же странно, что он – вылитый отец, а ведет себя с точностью до наоборот. Отцу было всего сорок, когда он погиб, а выглядел он на двадцать пять, и многие думали, что папа с Дэрри не отец с сыном, а братья. Но они только внешне похожи – отец никому не грубил без причины.

В Дэрри шесть футов и два дюйма росту, он широкоплечий и мускулистый. У него темно-каштановые волосы, спереди вечно спутанные, а сзади все в вихрах – точь-в-точь как у папы, но вот глазами Дэрри ни на кого не похож. Глаза у него – будто две прозрачных бледно-зеленых льдинки. Взгляд у него очень решительный, как и он сам. Он выглядит старше своих двадцати – он крутой, классный и умный. Если б не эти его холодные глаза, он был бы прямо очень красивым. Ничего, кроме простых, голых фактов, он не признает. Зато головой думает.

Я снова уселся на землю, потер щеку, куда мне сильнее всего врезали.

Дэрри сунул кулаки в карманы.

– Не сильно они тебя, нет?

Сильно. У меня все тело саднило и болело, грудь ныла, и я так разнервничался, что у меня руки тряслись, и реветь хотелось, но Дэрри этого не скажешь.

– Нормально я.

Газ прискакал обратно. Тут я уже сообразил, что за шум я слышал – это банда примчалась меня спасать. Он шлепнулся на землю рядом со мной, осмотрел мою голову.

– Что, Понибой, порезали тебя немножко?

Я только тупо на него уставился:

– Порезали?

Он вытащил носовой платок, смочил кончик слюной и осторожно прижал его к моей голове.

– Как свинью – кровь идет.

– Кровь идет?

– Сам погляди! – он показал мне платок, который будто по волшебству стал красным. – Они что, с ножом на тебя полезли?

Я вспомнил голос: «Хочешь подстричься, грязер?» Наверное, они задели меня лезвием, когда пытались заткнуть мне рот.

– Ага.

Я не знаю никого красивее Газа. Он красивый не как Дэрри – Газ красивый, как кинозвезда, такой красивый, что на него люди на улицах оборачиваются. Он пониже Дэрри и слегка поменьше, зато лицо у него выразительное, с тонкими чертами и он как-то ухитряется казаться сразу и задумчивым, и бесшабашным. У него темно-золотые волосы, которые он зачесывает назад, – длинные, гладкие и прямые; а летом они так выгорают на солнце, что становятся ослепительного пшенично-золотистого цвета. Глаза у него темно-карие – живые, веселые глаза, которые могут смотреть на тебя с нежностью и сочувствием – а потом вдруг вспыхнуть от ярости через секунду. Глаза у него папины, но Газ такой один. Он пьянеет, когда танцует или

участвует в гонках, и при этом к алкоголю даже близко не подходит. На нашей стороне почти все парни пьют – хотя бы изредка. Но Газ не пьет вовсе – ему и не нужно. Он пьянеет просто от жизни. И он всех понимает.

Газ глянул на меня повнимательнее. Я поспешно отвернулся, потому что, сказать по правде, уже хлюпал носом. Я знал, что я весь белый, и чувствовал себя так же, и трясся, как лист.

Газ только руку на плечо мне положил.

– Ну-ну, Понибой. Они тебя больше не тронут.

– Знаю, – ответил я, но тут земля у меня под ногами стала расплываться, и по щекам покатались горячие слезы. Я раздраженно смахнул их. – Напугался только, и все.

Я судорожно вздохнул и перестал плакать. Нельзя перед Дэрри плакать. Разве что тебе досталось, как тогда Джонни, когда мы нашли его на парковке. А по сравнению с Джонни мне так и вообще не досталось.

Газ взьерошил мне волосы:

– Ты, Пони, парень что надо.

Я невольно улыбнулся – Газ кого хочешь развеселит. Наверное, это потому, что он сам все время улыбается.

– Газ, вот ты псих, ты совсем ненормальный.

Дэрри смотрел на нас так, будто хотел нас стукнуть лбами.

– Оба вы чокнутые.

Газ только бровь вздернул, этому он у Смешинки научился.

– Похоже, у нас это семейное.

Дэрри уставился на него, но потом тоже расплылся в улыбке. Газировка один не боится Дэрри и обожает его дразнить. Я б матерого гризли и то охотнее бы подразнил, но Дэрри как будто даже любит, когда Газ его дразнит.

Ребята из нашей банды гнались за вобами до самой машины, швыряясь в них камнями. Теперь они бежали назад, к нам – четверо поджарых, крепких парней. Матерые ребята, это по ним сразу видно. Я вырос вместе с ними, и они считают меня своим, хоть я и младше, потому что я – братишка Дэрри и Газа и еще умею держать рот на замке.

Стиву Рэндлу – семнадцать, он высокий и худой, у него густые набриолиненные волосы, которые он вечно зачесывает в замысловатый кок. Он смышленный и пронырливый, и они с Газом – лучшие друзья с первого класса. Стив специализировался на машинах. Никто не мог скрутить колпак с машины быстрее и тише него, а кроме того, он машины знал вдоль и поперек и мог водить все что угодно, лишь бы колеса были. Они с Газом вместе работали на заправке, Стив – неполный день, Газ – полный, и клиентов у них было больше всех в городе. То ли потому, что Стив так хорошо разбирался в машинах, то ли потому, что к Газу девчонки слетались как мухи на мед, уж сказать не могу. Стив мне нравился только потому, что он был лучший друг Газа. Ему я не нравился, для него я был «хвостик» и малышня. Газ всегда брал меня с собой, если они с ним куда-нибудь шли без девчонок, и Стива это бесило. Но я тут был ни при чем, Газ сам меня звал, я с ним не просился. Газ меня малышкой не считает.

Старше всех – Смешинка, и он же в банде главный остряк. Росту в нем где-то футов шесть, он крепко сложен и очень гордится своими рыжеватыми бакенбардами. У него серые глаза и улыбка до ушей, и даже помирай он – все равно будет отпускать шуточки. Его просто-напросто не заткнешь, как будто ему смешинка в рот попала. Отсюда и прозвище. Даже учителя уже забыли, что на самом деле его зовут Кейт, да и мы редко вспоминаем, что у него вообще-то имя есть. Жизнь для Смешинки – одна затяжная шутка. Он славился выкидным ножом с черной рукояткой и умением ловко воровать в магазинах (а иначе и ножа у него бы не было), и еще он вечно паясничал перед копами. Не мог удержаться, и все тут. Над каждым его словом не хочешь, а будешь смеяться, вот его и подмывало потешаться над копами, чтобы хоть

как-то скрасить их унылую жизнь. (Это он мне так объяснил.) Он любит драки, блондинок и – по какой-то необъяснимой причине – ходить в школу. В свои восемнадцать с половиной он по-прежнему младшеклассник, и так ничему и не научился. Он ходит туда просто потехи ради. Вот он мне нравился, и даже очень, потому что с ним мы вечно смеялись над самими собой да и над чем хочешь. Он мне напоминал Уилла Роджерса – может, из-за улыбки.

Но если вы спросите, кто в банде самая заметная фигура, я скажу, что это Даллас Винстон – Далли. Я любил его рисовать, когда он был на взводе, потому что тогда его характер можно передать буквально двумя штрихами. У него лицо как у эльфа, скуластое и с острым подбородком, зубы мелкие и острые, как у зверька, а уши – как у рыси. Волосы у него такие светлые, что почти белые, и он не признает никаких там стрижек, никакого масла для волос, поэтому волосы падают ему на лоб рваными прядями, сзади торчат вихрами и кудрявятся за ушами и на затылке. У него голубые, пронзительно ледяные глаза, в которых застыла ненависть ко всему миру. Далли три года прожил в бандитском Нью-Йорке, его впервые арестовали, когда ему было десять. Тонкая грань, которая отделяет грязера от бандита, в Далли была неразличима. Он был такой же бедовый, как хулиганы из южных кварталов, вроде банды Тима Шепарда.

В Нью-Йорке Далли выпускал пары в драках банда на банду, но здесь организованные банды – редкость, вместо них тут группки друзей, которые держатся вместе, а война здесь идет между социальными классами. Когда мы собираемся схлестнуться, это обычно означает, что двое чего-то не поделили, и тут как раз мимо проходили все их друзья. Ну-да, у нас есть даже банды с названиями, Речные Короли, например, и Тигры с Тибер-стрит, но тут, на юго-западе, соперничающих банд нет. Поэтому Далли, конечно, время от времени ввязывался в хорошую драку, но ненавидеть ему было особо и некого. Ни с какой бандой мы не воевали.

Только с вобами. А их не победить, хоть ты что делай, потому что им все потакают, и даже если мы их отлупим, ничего от этого не изменится. Может, Далли потому и был такой злой.

О Далли ходила слава. В полиции на него было целое досье. Его арестовывали, он напиивался, он участвовал в родео, врал, мошенничал, воровал, обчищал карманы у пьяных, колодил детишек – в общем, чего только ни делал. Он мне не нравился, но он был умный и его волей-неволей приходилось уважать.

Последним – и самым мелким – был Джонни Кейд. Представьте себе маленького черного щенка, который мечется в толпе, среди чужих людей, а его все пинают, и получите Джонни. Он был самым младшим, мне почти ровесник, худощавый вдобавок, меньше всех остальных. Глаза у него большие и черные, а лицо загорелое, угольно-черные волосы он густо смазывает бриолином и зачесывает набок, но они до того длинные, что вечно падают ему на глаза растрепанной челкой. На всех он глядит нервно и подозрительно, особенно после того, как его вобы отделали. В банде он был любимчиком, младшим братишкой. Отец вечно лупил его, а матери до него дела не было, и только если что-нибудь было не по ней, она орала на него так, что у нас дома слышно было. Как по мне, а это для него было еще похуже взбучки. Если б не мы, он бы уже миллион раз из дому сбежал. Если б не банда, Джонни в жизни бы не знал, что такое любовь и теплота.

Я поспешно вытер глаза:

– Ну чего, поймали?

– Не-а. Успели свалить, вонючие... – Смешинка жизнерадостно обругал вобов всеми словами, какие он знал или выдумал.

– Малыш в порядке?

– Я в порядке.

Я не знал, что еще сказать. В компании я все больше помалкиваю, даже когда я с бандой. Я сменил тему.

– Я и не знал, Далли, что тебя уже выпустили.

– За хорошее поведение. Отъехал пораньше.

Даллас зажег сигарету и протянул ее Джонни. Все присели – покурить, передохнуть. После перекура всегда полегче делается. Я перестал дрожать и был уже не таким бледным. Сигарета меня успокоила. Смешинка вскинул бровь.

– Синяк у тебя что надо, парень.

Я осторожно потрогал щеку.

– Правда?

Смешинка важно кивнул.

– И порез классный. Кейфово выглядишь.

Кейфово и кайфово – два разных слова. Кейфово – значит круто, кайфово – модно, клево, например, пластинка может быть кайфовой, или тачка. У нас и то, и другое считается комплиментом.

Стив стряхнул пепел в мою сторону.

– Ты чего это придумал – одному шататься?

Ну кому как не старине Стиву об этом вспомнить.

– Я шел домой из кино. Я не думал...

– Ты вообще не думаешь, – перебил меня Дэрри, – ни дома, нигде, особенно когда надо. В школе думаешь, потому что оценки приносишь хорошие, и от книжек тебя не оторвать, но ты хоть раз головой своей здраво подумал? Нет, сэр, куда уж там. И раз уж тебе так приспичило пойти одному, хоть бы нож захватил.

Я ничего не отвечал, только дырку в кроссовке разглядывал. Мы с Дэрри друг друга просто не понимаем. Ничем ему не угодишь. Возьми я нож с собой, так он наорал бы на меня за то, что с ножом таскаюсь. Принесу из школы четверку, так ему нужны пятерки, а принесу пятерку, так он обязательно скажет, чтоб больше никаких четверок. Пойду играть в футбол – нет, надо учиться, а возьмусь за книжку – нет, лучше б шел играть в футбол. На Газировку он никогда не орал, даже когда тот школу бросил, он не орет, даже когда Газу влепят штрафы за превышение скорости. Он только на меня орет.

Газ вскинулся:

– Слышь ты, отвали от моего братишки! Он не виноват, что в кино ходить любит, и не виноват, что вобы нас пасут, и будь у него нож, то-то у них был бы повод порезать его на лоскуты.

Газ всегда за меня вступается.

Дэрри раздраженно ответил:

– Когда я захочу, чтоб один младший брат меня поучил, как мне с другим моим младшим братом себя вести, обязательно тебя спрошу... братишка.

Но после этого он от меня отцепился. Газа он обычно слушает. Ну почти всегда.

– В следующий раз попроси, чтоб кто-нибудь из нас с тобой сходил, – сказал Смешинка. – Тебе никто не откажет.

– Кстати, о киношке, – Далли зевнул, щелчком отбросил окурок, – я завтра вечером собираюсь в «Двойной сеанс». Кто со мной, поискать приключений?

Стив покачал головой.

– Мы с Газом завтра на игру собрались, вместе с Эви и Сэнди.

И не обязательно было на меня так смотреть. Я и не собирался с ними проситься. Газу я об этом, конечно, никогда не скажу, потому что Стив ему очень нравится, но я Стива Рэндла иногда просто терпеть не могу. По правде. Иногда я его просто ненавижу.

Дэрри вздохнул, я от него ничего другого и не ожидал. У Дэрри теперь ни на что не было времени.

– Я завтра вечером работаю.

Далли поглядел на остальных.

– А вы? Смешинка? Джонни-кекс, вы с Пони пойдете?

– Мы с Джонни пойдем, – сказал я. Я знал, что Джонни по собственной воле и рта не раскроет. – Можно, Дэрри?

– Можно, раз в школу потом не идти.

Это по выходным Дэрри меня куда хочешь отпускает. Но если наутро в школу, он мне и носа из дому высунуть не дает.

– Я планировал завтра вечером хорошенько накидаться, – сказал Смешинка, – но если не выйдет, подойду к вам.

Стив глядел на руку Далли. У того на пальце снова красовалось кольцо, которое он снял с пьяного старшеклассника.

– Вы с Сильвией снова разбежались?

– Да, и теперь насовсем. Эта дрянь опять мне рога наставила, пока я в тюрьме сидел.

Я представил себе Сильвию, Эви, Сэнди и всех бесчисленных блондинок Смешинки. Только такие девчонки на нас внимание и обращают, думал я. Бойкие, крикливые девчонки с густо покрашенными ресницами, девчонки, которые слишком часто хихикают и слишком много ругаются. Хотя вот Сэнди, девчонка Газа, мне даже нравилась. Она была натуральной блондинкой, а взгляд ее ярко-голубых глаз был таким же мягким, как и ее смех. У нее ни дома хорошего не было, ничего такого, она была из наших – из грязеров, – но девчонка она что надо. Но я все равно часто задавался вопросом, а другие девчонки – какие они? Ясноглазые девчонки, которые носят платья пристойной длины и ведут себя так, будто при первом удобном случае готовы в нас плюнуть. Некоторые нас просто побаивались, ну и, зная Далласа Уинстона, я их понимаю. Но большинство просто смотрело на нас как на мусор – так же, как вобы, когда те проносились мимо в своих «мустангах» и «корвейрах» и вопили, что мы «Гряааазь!». И я все думал про них. Про девчонок, в смысле... Плакали ли они, когда их парней арестовывали, как Эви, например, когда замели Стива, или просто-напросто бросали их, как Сильвия – Далласа? Хотя, наверное, их парней не арестовывали, и не избивали, и не лупцевали на родео.

Я все раздумывал об этом, когда делал домашку вечером. Нам по английскому задали читать «Большие надежды», и пацан этот, Пип, мне нас самих напоминал – ему все казалось, будто на нем клеймо какое-то, потому что он, значит, не джентльмен и потому, что девчонка на него свысока смотрит. Со мной такое однажды было. На биологии надо было препарировать червяка, а лезвие было тупое, ну я и вытащил свой выкидной нож. И едва я лезвием щелкнул – я забылся тогда, а то в жизни бы нож не вытащил, – как сидевшая справа девчонка как-то так ахнула и сказала: «Значит, правду говорят. Ты хулиган». Мне от этого не сказать, чтоб клево стало. В классе было полно вобов – меня вечно записывают в интенсивы, потому что я вроде как умный – и им это показалось очень смешным. А вот мне – не очень. Девчонка была симпатичная. Желтый цвет ей здорово шел.

Мы, конечно, чаще всего за дело получаем, думал я. Даллас – так всегда получает за дело, и сказать по правде, мало ему еще. А Смешинка... Смешинке не нужно и половины того, что он тырит из магазинов. Ему просто кажется, что это весело – тырить все, что не приколочено. Правда я понимаю, почему Газировка со Стивом вечно ввязываются в драки и ночные гонки – у них у обоих слишком много энергии, слишком много чувств, а выплеснуть это все особо и некуда.

– Сильнее проминай, Газ, – услышал я бормотание Дэрри. – А то меня усыпишь.

Я поглядел в открытую дверь. Газировка массировал Дэрри спину. Дэрри ее снова потянул, он кладет крыши, и вечно затаскивает наверх по две коробки черепицы вместо одной. Я знал, что Газ его усыпит, Газ, когда захочет, кого угодно усыпить может. Ну и он считает, что Дэрри слишком много работает. Я с ним согласен.

Дэрри не заслужил того, чтобы вкалывать как старикан, когда ему всего двадцать. В школе его все просто обожали, он был капитаном футбольной команды и его выбрали Парнем

года. Но у нас просто не хватило денег, чтобы отправить его в колледж, даже с его спортивной стипендией. А теперь он с одной работы бежит на другую, ему о колледже и думать некогда. Поэтому больше он ничего не делал, и никуда, кроме спортзала, не ходил – разве что изредка выбирался со старыми друзьями покататься на лыжах.

Я потер щеку, которая стала лиловой. Погляделся в зеркало – выглядел я круто. Но Дэрри заставил меня залепить порез пластырем.

Я вспомнил, как жутко Джонни выглядел, когда его побили. Я имел такое же право ходить по улицам, как и вобы, а Джонни так вообще им в жизни ничего плохого не сделал. За что вобы нас так ненавидят? Мы к ним не вяжемся. Раздумывая над этим, я чуть не заснул над книгой.

Газировка, который уже давно улегся, сонно прикрикнул, чтоб я выключал свет и шел спать. Я дочитал главу и лег.

Я лежал рядом с Газом, уставясь в стену, и перед глазами у меня стояли лица обступавших меня вобов и синяя клетчатая рубашка, в которую был одет тот блондин, и я снова услышал хриплый голос: «Хочешь подстричься, грязер?» Я поежился.

– Мерзнешь, Понибой?

– Немножко, – соврал я.

Газ обнял меня за шею. Забормотал сонно:

– Слышь, парень, когда Дэрри на тебя орет... он это не со зла. У него просто проблем больше, чем ему по возрасту положено. Не принимай все всерьез... понимаешь, Пони? Не заводись из-за него. Он очень тобой гордится, потому что ты вон какой умник. Просто ты у нас младшенький... короче, он тебя очень любит. Понял?

– Как не понять, – ответил я, стараясь, чтоб Газ не заметил сарказма. – Газ?

– А?

– А почему ты школу бросил?

Этого я так и не смог понять. Трудно смириться с тем, что он бросил учебу.

– Потому что я тупой. Я нормально сдать мог только физкультуру и автомеханику.

– Ты не тупой.

– Тупой, тупой. Ты помолчи лучше, я тебе расскажу кое-что. Только Дэрри не говори.

– Ладно.

– Я, наверное, женюсь на Сэнди. Когда она школу закончит, а я работу получше найду, типа того. Хотя, может, придется подождать, пока ты школу закончишь. Чтобы Дэрри пока с деньгами помогать – счета, все такое.

– Кайфово. Но ты погоди, дай я школу закончу, а то кто будет Дэрри окорачивать.

– Не надо так, парень. Сказал же, он, когда говорит, почти ничего такого не думает...

– Ты влюблен в Сэнди? Ну и как это?

– Хмммммм, – он счастливо вздохнул. – Очень классно.

И уже через секунду он задышал тихо и размеренно. Я повернул голову, чтобы взглянуть на него, и в лунном свете он был все равно что сошедший на землю греческий бог. Я подумал, как же он сам выносит собственную красоту. Потом вздохнул. Я не очень понял, что он там говорил насчет Дэрри. Для Дэрри я – лишний рот, мальчик для битья. Дэрри меня любит? Я представил себе его прозрачные, суровые глаза. Тут Газ в кои-то веки ошибся, думал я. Дэрри ничего и никого не любит, ну разве что Газа. Я и сам с трудом вспоминал, что он вообще человек. Ну и наплевать, врал я себе. Мне на него наплевать тоже. У меня есть Газ, и Газ будет со мной, пока я школу не закончу. Плевал я на Дэрри. Но я врал, и сам знал, что вру. Я себе все время вру. И сам себе никогда не верю.

Глава вторая

Далли дожидался нас с Джонни под фонарем на углу Пикетт и Саттон-стрит, ну и раз уж мы пришли рано, у нас осталось время, чтоб пошататься по торговому центру. Мы купили кока-колу, поплевались бумажными обертками от соломинок в официантку, а потом просто болтались в магазине, приглядывались к вещам, которые так и просились в руки, пока продавец не просек в чем дело и не предложил нам пройти на выход. Опомнился он правда поздновато: Далли прошел на выход с двумя пачками «Кула»¹ за пазухой.

Потом мы перешли дорогу и пошли по Саттон до «Динго». У нас в городе куча мест, где можно смотреть кино из машины, – вобов всегда много «У Расти» или на «Съезде», а грязеры ходят в «Динго» и к «Джею». В «Динго» народ собирается горячий: как туда ни придешь, там вечно драка, а однажды там даже девчонку подстрелили. Мы там походили, поболтали со всеми грязерами, со всеми парнями – просовываясь в окна машин, запрыгивая на задние сиденья, – разузнали все о том, кто в бегах, а кто в тюрьме, кто с кем гуляет, а кто с кем чего не поделил, кто что своровал, и когда, и зачем. Мы там все про всех знали. Пока мы там были, один здоровенный двадцатитрехлетний грязер и автостопер из Мексики успели неплохо так подраться. Мы свалили, когда они повытаскивали ножи, потому что так скоро и копы подтянутся, а кому в своем уме охота легавым на глаза попадаться.

Мы перешли Саттон, срезали путь за «Скидками от Спенсера», магазином, где все продавалось задешево, потом пару минут гоняли по полю двух младшекласников, ну а когда порядком стемнело, перелезли через забор и пробрались в «Двойной сеанс». Это был самый большой в городе открытый кинотеатр, по вечерам там показывали по два фильма подряд, а по выходным – четыре, можно было сказать, что идешь в «Двойной сеанс», и за это время хоть весь город обойти.

Деньги на проход у нас были – если ты не на машине, билет стоит всего четвертак, – но Далли терпеть не может делать все по закону. Он любит показывать, будто ему наплевать, мол, есть он, этот закон, или нет его. Только и искал, где б закон нарушить. Мы уселись прямо напротив стойки с едой. Тут никого не было, только в переднем ряду сидели две девчонки. Далли невозмутимо их оглядел, а потом прошел до конца ряда и уселся прямо за ними. У меня появилось нехорошее чувство, что Далли и тут решил взяться за старое, и я оказался прав. Он начал разговаривать – довольно громко, чтобы девчонки слышали. И начал-то с гадостей, а потом и вовсе разошелся. Даллас, если захочет, может быть жутким пошляком, ну и, похоже, тогда ему как раз захотелось. У меня полыхали уши. Смешинка, Стив, да даже Газ, ему подпели бы, просто ради того, чтобы девчонок смутить, но я таких шуток не понимаю. У меня как будто язык отнялся, а Джонни вскочил и сбежал за кока-колой.

Если б девчонки были из наших, из грязерш, я б не так растерялся – и, как знать, может даже помог бы старине Далласу. Но эти двое были не из наших. Выглядели они кайфово – модно одетые и прямо симпатичные. Лет им на вид было шестнадцать-семнадцать. Одна – брюнетка с короткими волосами, у второй волосы были длинные и рыжие. Рыжая то ли злилась, то ли боялась. Она вся вытянулась в струнку на стуле и яростно жевала жвачку. Другая делала вид, будто не слышит Далли. Далли потихоньку закипал. Он закинул ноги на спинку стула рыжей девчонки, подмигнул мне и побил свой собственный рекорд по пошлым высказываниям. Девчонка обернулась и холодно на него взглянула.

– Убери ноги и рот закрой.

¹ Название марки сигарет – *Kool*.

Черт, до чего же она была красивая. Я ее знал, чирлидерша из нашей школы. Мне всегда казалось, что она задавака.

Далли только взглянул на нее, но ноги не убрал.

– Ну и кто меня заставит?

Вторая, надувшись, разглядывала нас.

– Это тот грязер, который у Слэш Джей² иногда жокеем подрабатывает, – сказала она, как будто мы рядом не сидели и ее не слышали.

Этот тон я миллион раз слышал. «Грязер... грязер... грязер». О да, слишком часто этот тон приходилось слышать. А они-то что делают в автокинотеатре без машины, подумал я, а Даллас сказал:

– Я вас знаю. Видал вас на родео.

– Ты бы так на быке держался, как набычиваешься, – холодно сказала рыжая и отвернулась.

Далли и глазом не моргнул.

– А вы, значит, вокруг бочек скачете?³

– Отстань, – огрызнулась рыжая, – не то колов позову.

– Ой-ой-ой, – со скучающим видом отозвался Далли, – ты прямо до смерти меня напугала.

Крошка, тебе стоит мой список судимостей на досуге полистать. – Он лукаво ухмыльнулся. – Догадайся, за что я сидел?

– Пожалуйста, отстань, – сказала она. – Отстань, будь паинькой.

Далли лихо хохотнул.

– А я не паинька. Кока-колу хочешь?

Тут она уже порядком завелась.

– Да помирай я от жажды в пустыне, и то не стала бы ее пить. Отвали, придурок!

Далли только плечами пожал и вразвалочку ушел.

Девчонка посмотрела на меня. Меня она слегка пугала. Я вообще слегка побаиваюсь таких вот приличных девчонок, особенно которые из вобов.

– Ну что, теперь ты к нам привяжешься?

Я вытаращил глаза, помотал головой:

– Не-а.

Она неожиданно улыбнулась. Блин, какая же она была красивая.

– Да ты и не из таких, похоже. Как тебя зовут?

Эх, лучше бы она не спрашивала. Терпеть не могу, когда приходится впервые говорить, как меня зовут.

– Понибой Кертис.

Я думал, она скажет: «Да ладно?!», или «Что, тебя правда так зовут?» или еще что-нибудь в этом роде, что мне обычно говорят. Меня правда зовут Понибой и лично мне мое имя нравится.

Но рыжая только улыбнулась.

– Красивое, необычное имя.

– Мой отец был необычным человеком, – сказал я. – У меня есть брат, которого зовут Газировка, в свидетельстве о рождении прямо так и записано.

² /J – название конезаводческой фермы, которая выращивает лошадей для выступлений на родео. Как правило, у них всех были простые короткие названия, состоявшие обычно из двух-трех инициалов.

³ *Barrel racing* – конкурсное упражнение на родео, наезднику или наезднице нужно за максимально короткое время объехать стоящие бочки в определенном порядке.

– А меня зовут Шерри, но все называют меня Черри, как помидорку, – из-за волос. Черри Баланс.

– Я знаю, – сказал я. – Ты чирлидерша. Мы с тобой в одной школе учимся.

– Ты наш ровесник? А по виду и не скажешь, – заметила брюнетка.

– Не ровесник. Я перескочил через класс.

Черри глядела на меня.

– Такой приличный и смысленный парень, а водишься с такими отбросами. Зачем?

Я напрягся.

– Я тоже грязер, как и Далли. Он мой приятель.

– Извини, Понибой, – мягко сказала она. И поспешно сменила тему: – А твой брат, Газировка, работает на заправке, верно? На «Ди-Икс», по-моему.

– Ага.

– Чувак, брат у тебя прямо модель. Могла бы, кстати, догадаться, что вы с ним братья – вы похожи.

Я разулыбался от гордости – на Газа я ни капли не похож, но ведь не каждый день вобы тебе говорят, что у тебя брат – модель.

– А он ведь тоже раньше выступал на родео? С седлом на необъезженной лошади?

– Да. Папа ему запретил выступать, когда он сухожилие порвал. Но мы по-прежнему на родео часто бываем. Я видел, как вы вдвоем вокруг бочек скачете. У вас здорово получается.

– Спасибо, – сказала Черри, а вторая девчонка, которую звали Марсия, сказала:

– Что же тогда твоего брата в школе не видно? Ему же лет шестнадцать-семнадцать, не больше.

Это меня царапнуло. Говорю же, для меня хуже нет, что Газ недоучился.

– Он бросил школу, – грубо ответил я.

Когда говоришь «бросил школу», представляешь себе какого-нибудь нищего тупого хулигана, который слоняется по улицам и бьет стекла в фонарях, – этот образ совсем не вяжется с моим весельчаком-братом. Далли в него прекрасно вписывается, но вот про Газа такого никогда не скажешь.

Тут вернулся Джонни, сел рядом. Огляделся в поисках Далли, застеснявшись девчонок, еле-еле выдавил «Привет» и уставился на экран. Но вообще он нервничал. В незнакомой компании Джонни всегда нервничает. Черри поглядела на него – оценивающе, как на меня. Потом она тепло улыбнулась, и я понял, что оценила она его как надо.

Вернулся Далли, в руках у него было несколько банок с колой. Он вручил девчонкам по банке и уселся рядом с Черри.

– На, поостынь.

Она изумленно глянула на него и как плеснет колой ему в лицо.

– Поостынь и ты, грязер! А когда рот вымоешь и научишься прилично себя вести и с людьми общаться, может, и я поостыну.

Далли вытер лицо рукавом и опасно улыбнулся. Был бы я на месте Черри, уже улепетывал бы отсюда. Эту улыбку я уже видел.

– Злючка, значит? Такие мне и нравятся.

Он хотел было ее приобнять, но Джонни перехватил его руку.

– Отстань от нее, Далли.

– Что?

Далли растерялся. Он озадаченно уставился на Джонни. Джонни у нас обычно тише воды. Джонни сглотнул и, слегка побледнев, сказал:

– Что слышал. Отстань от нее.

Даллас помрачнел. Скажи такое я, Смешинка, Газ или Стив, да кто угодно, кроме Джонни, Далли бы его раскатал и глазом не моргнув. Никто не указывает Далли Уинстону, что

ему делать. Однажды в магазине «Все по десять центов» он стоял возле полки со сладостями и какой-то парень попросил его подвинуться. Далли развернулся и врезал парню так, что зуб ему выбил. Просто незнакомому человеку врезал. Но Джонни в банде был всеобщим любимцем, и Далли не мог его ударить. Далли ведь его тоже любил. Далли вскочил, сунул кулаки в карманы и, нахмурившись, ушел. И больше не возвращался.

Черри вздохнула с облегчением.

– Спасибо. Он до смерти меня напугал.

Джонни даже удалось восхищенно улыбнуться.

– А по тебе и не сказать было. С Далли так никто не разговаривает.

Она улыбнулась.

– Кроме тебя, как я посмотрю.

У Джонни запылали уши. Я все таращился на него. Джонни ведь не просто храбрости набрался, чтоб такое Далли сказать, – Джонни готов был землю целовать, по которой Далли ходит, я в жизни не слышал, чтоб Джонни кому-нибудь хоть слово поперек сказал, а уж тем более – своему кумиру.

Марсия рассмеялась. Она была чуть пониже Черри. Миленькая, конечно, но куда там до Черри Баланс.

– Садитесь с нами. Будете нас защищать.

Мы с Джонни переглянулись. Он вдруг широко улыбнулся, вскинув брови, так что они уползли под челку. В глазах у него явно читалось – будет что парням рассказать! Мы склеили двух девчонок, и шикарных, не каких-нибудь там. Нет, девах-грязерш нам не надо, нам подавай высшее общество. Газ очумеет, когда я ему расскажу.

– Ладно, – небрежно ответил я, – можем и пересесть.

Я сел между ними, а Джонни сел рядом с Черри.

– А лет вам сколько? – спросил Марсия.

– Четырнадцать, – сказал я.

– Шестнадцать, – сказал Джонни.

– Надо же, – сказала Марсия, – а я думала, вам обоим по...

– Шестнадцать, – договорила за нее Черри.

За это я был ей очень признателен. Джонни знал, что ему на вид больше четырнадцати не дашь, и здорово переживал из-за этого.

Джонни засмеялся.

– А чего это вы нас не боитесь, Далли же вы испугались.

Черри вздохнула.

– Вы слишком милые, вас не испугаешься. Ну, во-первых, ты молчал, когда Даллас говорил пошлости, а ты заставил его от нас отвязаться. А когда мы предложили вам пересесть к нам, вы не стали вести себя так, будто мы вам предлагаем провести с нами вечер. Кроме того, я слышала о Далласе Уинстоне, и вживую он выглядит раза в два злее и страшнее. А у вас вид не злобный.

– Ну да, – устало отозвался я, – мы юные и невинные.

– Нет, – медленно сказала Черри, внимательно глядя на меня, – не невинные. Слишком много вы всего повидали. Просто вы не... пошлые.

– Далли нормальный, – заступился за него Джонни, и я кивнул.

За друзей надо горой стоять, что бы они ни сделали. Мы банда, а в банде все друг за друга. Если за своих не стоять, вместе не держаться, не быть братьями, то это, считай, и не банда. Это уже свора. Рычащая, подозрительная, вечно грызущаяся свора, вроде вобов в их высшем обществе или нью-йоркских уличных банд, или волков в лесу.

– Он злой, конечно, но парень классный.

– Он отстал бы, если б вас знал, – сказал я, и это была правда.

Когда к Стиву приезжала погостить двоюродная сестра из Канзаса, Далли вел себя с ней прилично и при ней старался не выражаться. Мы все себя так вели с такими вот двоюродными девчонками. Не знаю, как и объяснить – мы все стараемся себя прилично вести с девчонками, которых видим время от времени, с двоюродными сестрами, например, или одноклассницами, но стоит какой-нибудь симпатичной девчонке пройти мимо нас по улице, как мы все равно провожаем ее взглядами и говорим всякие гадости. Не спрашивайте, почему так. Сам не знаю.

– Что ж, – решительно сказала Марсия, – тогда я рада, что он нас не знает.

– Я им, пожалуй, восхищаюсь, – тихонько сказала Черри, так что только я ее услышал, и мы стали смотреть фильм.

Да, и мы узнали, почему они были без машины. Они приехали со своими парнями, но бросили их, когда выяснилось, что парни запаслись алкоголем. Парни разозлились и укатили.

– Да и пусть катятся, мне все равно, – раздраженно сказала Черри. – Сидеть в машине и смотреть, как кто-то напивается? Такие развлечения не по мне.

Она так это сказала, что сразу понимаешь, по ней, наверное, только какие-нибудь изысканные развлечения и, наверное, недешевые. В общем, они все равно решили посмотреть фильм, раз уж приехали. Фильм был какой-то пляжный – ни сюжета, ни актерской игры, толпа девушек в бикини и развеселые песни, так что мы ничего не потеряли. Мы молча сидели там вчетвером, как вдруг одна крепкая рука ухватила за плечо Джонни, вторая – меня, и раздался грубый голос:

– Ну все, грязеры, вы доигрались.

Я чуть из штанов не выпрыгнул. Все равно как если б на тебя кто-нибудь из-за двери выскочил с криком: «Бу-у!»

Я испуганно оглянулся – за спиной у меня стоял Смешинка, скалясь как Чеширский Кот.

– Господи, Смешинка, ты нас до смерти напугал!

У него здорово получалось подделывать голоса, вот и сейчас прорычал точь-в-точь как вобы разговаривают. Тут я взглянул на Джонни. Он сидел зажмурившись, белый как простыня. Дышал тяжело, хватал ртом воздух. Вот уж кого Смешинке совсем не стоило пугать. Он забыл, наверное. У него ветер в голове. Джонни открыл глаза и еле слышно сказал:

– Привет, Смешинка.

Смешинка взъерошил ему волосы.

– Прости, малыш, – сказал он. – Не подумал.

Он перелез к нам и шлепнулся на стул рядом с Марсией.

– А это кто, ваши двоюродные бабушки?

– Троюродные прабабушки, – не моргнув глазом отозвалась Черри.

Непонятно было, пьян Смешинка или нет. По нему никогда не скажешь – он иногда и трезвый ведет себя так, как будто он под мухой. Он вскинул одну бровь, опустил другую – он так всегда делает, когда удивляется, волнуется, ну или хочет схохмить.

– Да тебе все девяносто шесть дать можно.

– А я не возьму, – весело отозвалась Марсия.

Смешинка восхищенно на нее уставился:

– Тебе, подруга, палец в рот не клади. И как это двум грязным хулиганам вроде Пони и Джонни удалось вас склеить?

– Это мы их склеили, – ответила Марсия. – На самом деле мы арабские работоторговцы, а их думаем похитить и продать. За каждого дадут по десять верблюдов, не меньше.

– По пять, – возразил Смешинка. – Они по-арабски не говорят, нет, по-моему. Ну-ка, Джонни-кекс, скажи чего-нибудь по-арабски.

– Ой, ну хватит тебе, – вмешался в разговор Джонни. – Далли к ним приставал, а когда он ушел, они нас попросили сесть с ними рядом, чтоб мы их защищали. Наверное, от таких вот остроумных грязеров вроде тебя.

Смешинка рассмеялся, потому что Джонни никогда не был таким бойким на язык. Мы-то радовались, когда из него хоть слово удавалось вытянуть. И вот еще что, мы совсем не обижаемся, когда нас называют грязерами другие грязеры. Получается, что мы вроде как дурачимся.

– Эй, а где, кстати, Далли?

– Пошел искать приключений – выпивку, женщин или драку. Надеюсь, его не посадят снова. Он только что вышел.

– Скорее всего, он нарвется на драку, – бодро объявил Смешинка. – Поэтому я и пришел. Мистер Тимоти Шепард и компания разыскивают человека, любезно порезавшего им все покрышки, и раз уж мистер Кудряха Шепард застукал за этим делом Далли... в общем... У Далли нож с собой был?

– Чего не знаю, того не знаю, – ответил я. – Вот обрезок трубы у него был, а нож он утром сломал.

– Это хорошо. Если Далли нож не вытащит, Тим будет драться по-честному. Тогда я за Далли спокоен.

Черри и Марсия смотрели на нас во все глаза.

– То есть грубо и нечестно вы не деретесь, так что ли?

– В честной драке нет ничего грубого, – ответил Смешинка. – Грубо – это когда ножи в ход идут. А также цепи, стволы и бильярдные кии. Схлесты – вот это грубо. А на кулаках подраться – что ж тут грубого? Чтоб пар выпустить – самое то. Нет ничего плохого в том, чтоб пару раз дать кому-нибудь по морде. Вот вобы ведут себя грубо. Нападают толпой на одного, или устраивают схлесты между своими же клубами. Мы, грязеры, всегда стоим за своих, а если уж и деремся между собой, то по-честному, один на одного. И поделом Далли, потому что нечего покрышки резать, это тебе не шутка, люди вкалывали, чтобы эти покрышки купить. Да еще и попался, так что сам виноват. Первое наше главное правило – по одному не ходить, а вот второе – не попадаться. Может, его побьют, может, нет. Но в любом случае, кровавой вражды между нашими парнями и парнями Шепарда из-за этого не начнется. Позови мы их завтра на помощь, придут. Если Тим проломит Далли башку, а завтра попросит нас к ним на схлест подвалить, так и мы придем.

Далли куролесил. Далли попался. Ну и получит за это. Все просто.

– Да, чувак, – саркастично сказала Черри, – проще некуда.

– Ага, – беззаботно добавила Марсия. – А если его убьют, например, вы его просто похороните. Все просто.

– Ты все правильно просекаешь, крошка, – улыбнулся Смешинка и закурил. – Сигаретку?

Я с восхищением глядел на Смешинку. Вот уж кто умеет сказать все словами. Да, он до сих пор сидит в начальной школе, в восемнадцать-то с половиной лет, да, и баки у него длинноваты, и пьет он, пожалуй, слишком много, но понимает все – будь здоров.

Черри и Марсия от сигарет отказались, но мы с Джонни стрельнули по одной. Джонни был уже не такой бледный и дышал нормально, но руки у него еще немного тряслись. Сигарета поможет унять дрожь.

– Понибой, сходишь со мной за попкорном? – спросила Черри.

Я вскочил.

– Конечно. Вам принести тоже?

– Мне – да, – сказала Марсия.

Она допивала колу, которую ей принес Далли. Тогда я понял, что Марсия с Черри не похожи. Черри сказала, что не станет пить колу Далли, даже если будет умирать от жажды, и она это всерьез сказала. Для нее это было принципиально. А вот Марсия не видела смысла в том, чтобы выбрасывать абсолютно нормальную бесплатную колу.

– И мне, – сказал Смешинка. Он швырнул мне пятидесятицентовик. – Джонни тоже купи. Я угощаю, – прибавил он, когда Джонни полез в карман.

Мы пошли к стойке с едой, там, конечно, была длинная очередь, пришлось постоять. Многие ребята на нас оборачивались – нечасто увидишь пацана-грязера вместе с чирлидершей из вобов. Черри, казалось, ничего не замечала.

– Этот твой друг – у которого баки, – он как, ничего?

– Он не такой опасный как Даллас, если ты об этом. Да, он ничего.

Она улыбнулась, но по глазам было видно, что она о чем-то другом думает.

– Джонни... его когда-то сильно избили? – это был даже не вопрос, скорее утверждение. – Избили и напугали.

– Это были вобы, – нервно ответил я, потому что вокруг ошивалась куча вобов, и многие на меня нехорошо так посматривали, как будто мне нельзя было и приближаться к Черри, как-то так. Да и не люблю я об этом рассказывать – в смысле о том, как Джонни побили. Но я стал рассказывать и заговорил чуть быстрее обычного, потому что думать об этом я не люблю тоже.

Случилось это почти четыре месяца тому назад. Я шел на заправку «Ди-Икс» – попить газировки, повидаться с Газом и Стивом, потому что они всегда покупали мне пару бутылок и разрешали помочь им с машинами. По выходным я туда не люблю ходить, там обычно толкуются девчонки, которые флиртуют с Газом – всякие девчонки, вобы тоже. Мне пока что до девчонок особого дела нет. Газ говорит, что я это перерасту. Он же перерос.

Была весна, день выдался почти теплый, ярко светило солнце, но когда мы шли домой, уже стемнело и похолодало. Шли мы пешком, потому что машина Стива осталась на заправке. На углу нашего квартала есть широкое поле, где мы часто тусуемся и играем в футбол, и там же проходят все схлесты и кулачные бои. Мы как раз шли мимо этого поля, поддевали ногами камни и допивали последнюю бутылку пепси, когда Стив заметил, что на земле что-то валяется. Он это поднял. Оказалось – голубая джинсовка Джонни, другой куртки у него не было.

– Похоже, Джонни куртку забыл, – сказал Стив и перекинул ее через плечо, чтобы потом занести Джонни.

Но вдруг он остановился и осмотрел куртку повнимательнее. На воротнике было какое-то пятно цвета ржавчины. Он поглядел на землю. На траве тоже были пятна. Он вскинул голову и, изменившись в лице, стал оглядывать поле. И тут, по-моему, мы все разом и услышали тихий стон и увидели, что на другом конце поля лежит что-то темное, неподвижное и бесформенное. Первым до него добежал Газ. Джонни ничком лежал на земле. Газ осторожно его перевернул, и меня чуть не стошнило. Кто-то его здорово отделал.

Мы уже привыкли к тому, что Джонни вечно ходит побитый – отец без конца лупил его, нас это, конечно, еще как бесило, но поделать с этим мы ничего не могли. Но с этим никакая взбучка не сравнилась бы. Опухшее лицо Джонни было покрыто синяками и порезами, от виска до скулы тянулась широкая рана. Шрам у него на всю жизнь останется. Белая футболка была забрызгана кровью. Я стоял там, и меня вдруг затрясло как от холода. Я даже подумал, что он умер, кто же выживет после таких побоев. Стив на секунду прикрыл глаза, издал сдавленный стон и рухнул на колени рядом с Газом.

Каким-то образом банда почуяла, что стряслось. Рядом со мной вдруг возник Смешинка, и в кои-то веки с его лица исчезла ухмылка, а его смеющиеся серые глаза метали молнии. Дэрри увидел нас с крыльца и, примчавшись к нам, резко затормозил, чуть не шлепнувшись. Здесь был и Далли, который, выругавшись вполголоса, отвернулся, и лицо у него было такое, как будто ему вот-вот станет дурно. Я тогда еще удивился мимоходом. Далли видел, как в нью-йоркском Вест-Сайде убивали людей. Отчего же сейчас у него такое лицо стало?

– Джонни? – Газ приподнял его, положил его голову себе на плечо. Легонько потряс обмякшее тело. – Эй, Джонни-кекс.

Джонни глаз не открыл, только спросил еле слышно:

– Газ?

– Да, это я, – ответил Газировка. – Помолчи, не разговаривай. Все с тобой будет хорошо.

– Их было много, – сглотнув, сказал Джонни, не послушавшись Газа. – Они набились в голубой «мустанг»... я так испугался...

Он хотел было выругаться, но вдруг расплакался, он пытался бороться со слезами, но не мог, и от этого только громче всхлипывал. Я видел, как папаша охаживал его доской, и Джонни ни разу даже не пикнул. И от этого еще тяжелее было смотреть, как он теперь плачет. Газ все обнимал его, убирал челку с глаз.

– Все нормально, Джонни-кекс, они давно ушли. Все нормально.

Наконец, всхлипывая и задыхаясь, Джонни рассказал, что случилось. Он искал на поле наш футбольный мяч, чтобы отработать удары, и тут рядом с полем остановился голубой «мустанг». В нем сидели четыре воба. Они его поймали – у одного вся рука была в кольцах, поэтому-то у Джонни лицо было так изрезано. Но они не просто избили его до полусмерти – это бы он пережил. Они его напугали. Чем они ему только не угрожали. Джонни и так вечно на взводе, у него нервы ни к черту потому что у него родители вечно друг на друга орут, а стоит ему показаться дома, как он тут же получает ремня.

Другой бы на его месте взбунтовался бы или ожесточился, но Джонни просто погибал на глазах. Трусом он никогда не был. На схлестах ему цены не было. За банду он стоял горой и при копах рот держал на замке. Но после того, как его избили, Джонни стал совсем дерганным. Я вообще думал, что он никогда не оправится. Теперь Джонни никогда и никуда не ходил в одиночку. И Джонни, самый законопослушный человек из всех нас, теперь носил в кармане шестидюймовый выкидной нож. И в следующий раз он этот нож достанет. Вот до какой степени они его напугали. Он убьет первого же человека, который вздумает на него напасть. Больше его никто так не изобьет. Только через его труп...

Я и забыл почти, что меня Черри слушает. А когда очнулся и поглядел на нее, то увидел, что она белая как мел.

– Не все вобы такие, – сказала она. – Честное слово, Понибой. Мы не все такие.

– Да-да, – ответил я.

– Это все равно что сказать, мол, все грязеры такие же, как Даллас Уинстон. Спорим, он тоже на людей нападал, и не раз.

Я задумался. Она была права. Далли на людей нападал. Он нам такие истории про нью-йоркские грабежи рассказывал, что у меня волосы на затылке дыбом вставали. Но не все мы такие бедывые. Черри уже не была такой бледной, грустной только.

– Наверное, ты думаешь, что вобам все приносят на тарелочке. Богатые детки, высшее общество, шикарная западная сторона. Я тебе вот что скажу, Понибой, ты удивись. Наши проблемы тебе и не снились. И знаешь что? – она взглянула мне прямо в глаза. – Людям везде несладко.

– Я тебе верю, – ответил я. – Пойдем, отнесем им попкорн, а то Смешинка решит еще, что я драпанул с его деньгами.

Мы вернулись и посмотрели фильм еще раз. Марсия со Смешинкой поладили что надо. Оба любят дурацкие шутки. Но мы с Черри и Джонни просто смотрели фильм и молчали. Я больше ни о чем не волновался и думал, как здорово, когда можно просто сидеть с девчонкой, которая не ругается и не липнет к тебе так, что ее палкой не отгонишь. Я знал, что Джонни это тоже нравится. Он с девчонками вообще не особо разговаривал. Однажды, пока Даллас был в исправительной школе, Сильвия начала было отираться возле Джонни и пудрить ему мозги, но Стив ей доходчиво объяснил, что если она с Джонни эти свои фокусы попробует, он лично из нее всю душу выбьет. Потом он прочитал Джонни целую лекцию насчет девчонок, насчет того, что от таких ушлых штучек вроде Сильвии – одни неприятности. В результате Джонни

с девочками почти и не разговаривал, но я не знал, это он потому что стеснялся или потому что боялся Стива.

А мне такую же лекцию прочел Смешинка, после того, как мы однажды склеили в центре двух девонок. Странно вообще-то, потому что даже Дэрри считает, что в отношении девонок у меня голова на месте. Лекция и впрямь получилась очень странной, потому что Смешинка тогда был под мухой и такого мне нарасказывал, что мне хотелось, не знаю, под землю провалиться. Но Смешинка имел в виду девонок вроде Сильвии, девонок, которых они с Далли и ребятами склеивали в центре и в автокинотеатрах, про вобов-то он ничего не говорил. Вот я и решил, что нам, наверное, можно с ними посидеть. Даже если у них там свои проблемы. Но я правда не понимал, с чего бы вобам париться – у них отличные оценки, отличные машины, отличные девочки, рубашки в клетку, «мустанги» и «корвейры» – блин, думал я, мне бы их проблемы.

Теперь-то я по-другому думаю.

Глава третья

Когда фильм закончился, до нас вдруг дошло, что Черри с Марсией не на чем добираться домой. Смешинка галантно предложил их проводить – западная сторона всего в двадцати милях отсюда, – а они хотели звонить родителям и просить, чтобы те за ними приехали. Смешинка предлагал отвезти их на своей машине и наконец уломал. Похоже, они нас еще побаивались. Впрочем, пока мы ходили к Смешинке за машиной, они почти перестали нас бояться. Мне все казалось так странно, что вобы – ну, если к девчонкам это тоже относится – были такими же, как мы. Им нравились «Битлз», а Элвиса Пресли они считали уже немодным, а мы думали, что «Битлз» – фуфло, а Элвис – кейфовый, но вот и вся разница. Конечно, грязерши вели бы себя побойчее, но в целом ведь – никакой разницы. Я подумал, может, в деньгах все дело.

– Нет, – медленно отозвалась Черри, когда я ей об этом сказал. – Дело не только в деньгах. Отчасти – да, но не только. У вас, грязеров, ценности совсем другие. Вы гораздо эмоциональнее нас. Мы более искушенные – такие опытные, что нас уже ничего и не трогает. Для нас нет ничего настоящего. Знаешь, я, бывает, болтаю с подружкой и вдруг осекаюсь, и понимаю, что и половины правды не говорю. И вовсе я не думаю, что пивная вечеринка на берегу реки – это так уж суперклево, но расхваливаю ее подружке, только чтобы не молчать. – Она улыбнулась. – Я раньше никому об этом не рассказывала. Знаешь, ты, кажется, первый человек, с которым я так разоткровенничалась.

Да уж, со мной она разоткровенничалась – наверное, потому что я грязер, да еще и младше нее, со мной ей не нужно все время быть начеку.

– Мышиная возня, вот что это такое, – сказала она. – Мы вечно куда-то бежим, бежим, бежим, а куда – даже и не спрашиваем. Ты вот знаешь, каково это – иметь больше, чем хочется? Когда тебе больше и хотеть нечего, и тогда ты думаешь, как бы сделать так, чтоб захотеть чего-то еще? Мы как будто все время ищем, чему бы порадоваться, и не находим. Может, если перестанем строить из себя таких опытных, то найдем.

Она говорила правду. Вобы вечно как будто за непрошибаемой стеной прятались, изо всех сил скрывали, какие они на самом деле. Однажды я видел схлест их клуба. Вобы даже дрались невозмутимо, деловито и бесстрастно.

– Вот что нас разделяет, – сказал я. – Не деньги, а чувства. Вы ничего не чувствуете, а нас чувства захлестывают.

– И, наверное, поэтому, – она старалась скрыть улыбку, – мы по очереди и попадаем в газеты.

Смешинка с Марсией нас даже не слушали. Они несли какую-то им одним понятную дичь.

Про меня тоже часто говорят, что я тихий, почти такой же тихий, как Джонни. Смешинка все повторял, что не понимает, мол, отчего мы с Джонни такие друзья. «Вот, наверное, разговоры у вас интересные, – говорил он, вскидывая бровь, – ты рта не раскроешь, и Джонни помалкивает». Но мы с Джонни понимали друг друга без слов. Один Газ мог меня разговорить. А теперь еще – и Черри Баланс.

Не знаю даже, почему с ней я мог разговаривать. Наверное, и она со мной разговаривалась ровно по той же причине, что и я с ней. Не успел я опомниться, как уже рассказывал ей про Микки Мауса, коня Газа. Я никому еще про коня Газа не рассказывал. Это личное.

У Газа был конь буланого цвета, только конь этот был не его. Хозяином коня был дядька, который его держал в конюшнях, где работал Газ. Но вообще, Микки Маус, конечно, был конем Газа. Когда Газ его впервые увидел, то сказал: «Вот это моя лошадка», и я в этом даже и не сомневался. Мне было тогда лет десять. Газировка по лошадям с ума сходит. Серьезно. Он

вечно торчит на конюшнях или на родео, и при первом удобном случае вскакивает на коня. Когда мне было десять, я считал, что Микки Маус с Газом не только похожи, но и ведут себя одинаково. Микки Маус был буланой, темно-золотой масти, наглый и норовистый, совсем еще жеребчик. Когда Газ его звал, он прибегал. Ни к кому больше он не шел.

Конь этот Газа обожал. Встанет, значит, и давай жевать Газов воротник или рукав. Черт, а уж Газ-то как по этому коню с ума сходил. Каждый день к нему ходил. Характер у Микки Мауса был подлый, он лягал других лошадей, и с ним вечно были проблемы. «Вон какой у меня злюка-пони, – приговаривал Газ, поглаживая его по шее. – И чего ж ты такой злощий, Микки Маус?» Микки Маус в ответ только рукав ему пожует, ну или куснет Газа. Но не сильно. Так что, может, принадлежал он и другому дядьке, но конь этот был Газа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.